

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д40

*В оформлении использованы материалы,
предоставленные фотобанком Shutterstock, Inc.*

Джейн, Анна
Д40 Мой идеальный смерч / Анна Джейн. – Москва:
Издательство АСТ, 2019. – 512 с. – (Анна Джейн.
Лучшие книги).

ISBN 978-5-17-113476-1

Любимый парень, которого она тайно обожала в течение всех трех лет учебы в университете, нашел себе подружку – совершенно неожиданно-негаданно!

И что теперь делать несчастной девушке? Плакать и страдать? Наблюдать за чужим счастьем и убиваться?

Или объединить усилия со вторым безнадежно влюбленным, сохнущим по ее сопернице? Пожалуй, она выберет третье и всячески будет мешать сладкой и ни о чем не подозревающей парочке в борьбе за свое личное счастье.

К тому же ее напарник – парень непростой: умный, красивый, популярный и до ужаса напоминающий ветер.

Настоящий смерч.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113476-1

©Джейн А., текст
© ООО «Издательство АСТ»

Шохзоде Рахмановой —
за ее поддержку, креатив и эмоции

В шторм любая гавань — спасение.
(английская поговорка)

Том I

Если меня попросят описать этого человека, я, не задумываясь, тут же скажу все, что о нем думаю, мало того, я сделаю это с непередаваемым удовольствием. Бестактный, наглый, противный тип с идиотским чувством юмора и завышенной самооценкой. У него дурацкая улыбка, которую все девчонки находят обворожительной, детские ямочки на щеках, глупая татуировка прямо на шее и дар выводить из себя нормальных и порядочных людей. В голове у него ветер, на уме — гормональные глупости, а язык этого парня — самый главный враг не только его самого, но и всех, кто находится рядом. Одним словом, он — первостепенный болван и невежа. Кретин, короче, редкий.

Все это я выскажу на одном дыхании. Потом, сделав паузу и судорожно вздохнув, я, немного смутившись, добавлю, что вообще-то не все так печально. Частенько он бывает добрым, как прямой потомок Дедушки Мороза, заботливым, веселым и жизнерадостным. И только иногда бывает грустным, как осенний холодный дождик. Когда необходимо, он без страха высказывает свое мнение окружающему миру вслух и делает это так громко, что мир не только прекрасно слышит его, но и отвечает. Иногда этот тип и мир смеются вместе, как старые друзья, а остальные наблюдают за ними и... завидуют? Да, точно. Или по крайней мере удивляются его невероятному везению и удаче.

А еще этот парень до ужаса харизматичен. От него прямо-таки исходит аура животного магнетизма, которая привлекает к себе всех окружающих и плавно, почти незаметно, но твердо притягивает к нему. Тогда я изо всех сил пытаюсь не попасть под его обаяние. Потому что знала: как только я ему поддамся, у меня не хватит сил его обзывать и давать

подзатыльники. Мой барьер, принимаемый другими за хамство и инфантильность, падет, и я влюблюсь в него. И тогда пропаду, точно пропаду! Ведь к тому же этот парень еще и очень симпатичен.

Да, он такой, мой молодой человек, и я не знаю, изменится ли он когда-нибудь или навсегда останется таким же разгильдяем-милашкой. Впрочем, это не так уж и важно. В те редкие моменты, когда он не выводит меня из себя, мне весело с ним и очень тепло — как в зимний предновогодний вечер под шерстяным пледом с чашкой ароматного горячего шоколада в руках. К тому же мы с ним официальная пара. А наши отношения не совсем адекватны, как и он сам. Не знаю, кем мы друг другу приходимся и чего ожидаем друг от друга. Я много размышляла над этим, но так и не пришла к какому-то конкретному выводу. И что мне делать — я не знаю.

Иногда мне кажется, что у меня очень странный парень. И странные отношения.

И не только мне. Окружающие в этом абсолютно уверены. Родственники твердят, что не понимают наших отношений, — они полностью убедились в правоте поговорки «любовь зла, полюбишь и козла», и вообще кого угодно. Правда, они без ума от этого человека, и «козлом» в данном случае считают меня, потому как не понимают, почему он выбрал меня в «любимые девушки».

Друзья упрямо твердят, что «среднестатистическая влюбленная пара не ведет себя так по-глупому смешно, задиристо и офигительно романтично одновременно». Добрая половина его френдов и моих подружек уверена, что у нас «чувства навсегда», а оставшаяся часть искренне считает, что мы просто поиграем друг с другом и вскоре расстанемся.

Однокурсники же отчего-то считают, что наши отношения настолько свободны и легкомысленны, что каждый из нас может встречаться с кем угодно и в принципе делать все, что захочется. Однако они все равно не перестают умиляться на нас.

Если бы я смотрела на нас со стороны, мне бы не пришло в голову назвать нас влюбленными. Разве только в те неловкие моменты, когда нам приходится ходить, взявшись за ручки, и улыбаться друг другу. Но и тогда мы, скорее, напо-

минаем брата и сестру, пусть и непохожих внешне. Однако посторонние все равно считают, что мы встречаемся.

Ни у кого и мысли не возникает, что на самом деле мы никакая не парочка, пусть даже дико экстравагантная, а заложники сложившихся обстоятельств. Обстоятельства эти, впрочем, довольно-таки интересные, и кому-то даже могут показаться забавными. И с тем, что все произошедшее — одна большая глупость, я согласна. Когда я вспоминаю обо всем, что с нами произошло, мне часто становится смешно, иногда чуть-чуть грустно и даже немного жаль, что ничто из этого больше не сможет повториться. Прошлое ведь не вернуть, так? И мне теперь остается только вспоминать обо всем и... улыбаться.

Началась вся эта история три года назад. Я не помню точных дат, и в памяти осталось лишь то, что время нашего знакомства выпало на удивительно теплый майский денек. Кажется, именно тогда солнце, с нетерпением ожидавшее наступления лета, решило наконец вытащить из запасников все свои многочисленные прозрачные песочно-желтые лучи и аккуратно опустить их на Землю, чтобы окончательно отогреть ее от холода.

Из-за диких пробок, затормозивших движение едва ли не на всех основных дорогах города, я опоздала на первую пару и была вынуждена почти сорок минут торчать в коридоре, ожидая ее окончания, — препод, читавший лекцию, терпеть не мог опоздавших. Поэтому мне оставалось лишь сидеть на широком подоконнике напротив двери в аудиторию, подставляя спину теплым солнечным лучам, и читать учебник по скучной философии. Ведь семинар по этой достойной научной дисциплине должен был состояться уже через пару часов, а я совсем не была готова.

Меня клонило в сон, но я, зевая, упорно продиралась через жуткие формулировки и невозможные понятия, а потом и вовсе зависла на размышлениях Цицерона о судьбе.

«Я признаю, что не от нас зависит родиться с острым умом или тупым, сильным или слабым. Но тот, кто из этого сделает вывод, что не в нашей воле даже сидеть или гулять, тот не видит, что за чем следует. Пусть верно, что рождение людей, талантливых или туподумов, крепких или слабых, вызвано предшествующими причинами,

*из этого не следует, что даже то, что они сели или пошли гулять, или делают что-то, тоже предопределено и предусмотрено изначальными причинами»**.

Когда мне надоедало читать, я украдкой смотрела в телефон — на фотографию человека, который был мне дорог. Снимок я сделала пару дней назад, на физкультуре, когда весь наш поток, а также куча ребят с факультета экономики, получив карту местности, носились по лесу в поисках табличек с нужными номерами. За определенное время нужно было найти и обежать все указанные в карте пункты и отметить на них. Это веселое времяпровождение называлось спортивным ориентированием и проходило в лесу, непосредственно около корпусов университета, расположенных на окраине города и окруженных с двух сторон высокими и массивными деревьями.

Итак, я смотрела в экран своего сотового телефона, любовалась улыбающимся лицом парня, который мне безумно нравился, и сама украдкой улыбалась ему в ответ. Фото получилось отменным. Никита — так звали объект моих симпатий — стоял напротив меня, засунув одну руку в карман. Второй рукой он в это время жестикулировал, разговаривая со своим другом. За три года безответной любви я узнала о Нике Кларском многое, очень многое, в том числе и то, что светловолосый высокий парень, носящий очки в тонкой оправе, — одноклассник Никиты и просто хороший приятель.

Мой милый ослепительно улыбался, чему-то радуясь, хотя обычно Никита не проявлял особо ярких эмоций, и его улыбка стала для меня своеобразным подарком. В тот момент он разговаривал с другом и совершенно не замечал того, что объектив камеры моего сотового телефона направлен прямо на него. Миг — и я стала счастливой обладательницей фотографии этого сероглазого очаровашки с широкими плечами и взглядом серьезного ангела.

Почему он был так счастлив, я, правда, не поняла, только слышала что-то вроде:

* Цицерон. Философские трактаты. / Пер. М. И. Рижского. Отв. ред., сост. и вступ. ст. Г. Г. Майорова. (Серия «Памятники философской мысли»). — М.: Наука, 1985.

— Ты прикинь, Егор, я, наверное, дурак, что сначала не мог, но все получилось. И никакой конкуренции.

— А если бы она была, конкуренция?

— Тогда было бы хуже, — его смех в тот момент показался мне очень очаровательным. Хотя скорее он был предостерегающим.

— Это так здорово, я даже и представить себе не мог! А сначала реально боялся, как мальчишка, а теперь... — у Ника не слишком громкий голос, а подойти ближе я не могла, поэтому, что его так ошастливило, не узнала.

— Ты даже сам на себя сегодня не походишь, — отвечал ему друг, поправляя очки на переносице. — Я рад, что все получилось!

И я была рада, хотя даже предположить не могла, о чем говорят эти двое. Если человек, которого я люблю и считаю своим персональным принцем, счастлив, то почему бы и мне не порадоваться за него, верно? Я бы в тот день еще долго радовалась, если бы физручка не позвала меня к себе и не заставила сдавать кросс, который все пробежали еще на прошлой неделе, когда я прогуливала ленту. Это мой последний кросс в универе — третий год обучения заканчивался, а вместе с ним я избавлялась и от «любимой» физкультуры. Ее курс занимал как раз шесть семестров. Последнее, что я услышала, перед тем как уйти следом за торопящейся преподавательницей, было неожиданно радостное приветствие второго физрука, дядьки вообще-то строгого и гневливого:

— Смотрите-ка, кто к нам пришел! Господин Баскетболист! Пошли, пошли со мной, дьяволенок, давненько я тебя не видел...

Кто там был дьяволенком, а кто господином, я так и не узнала. Да и в тот момент мне это было совершенно безразлично. Главное, у меня был вожделенный снимок прекрасного качества, ведь раньше Никиту я фотографировала криво-косо, размыто, боясь, что он меня заметит, и, как следствие, ничего у меня не выходило. Зато теперь... Все было замечательно. Не удивительно, что я блестяще пробежала кросс!

Я была так счастлива, когда рассматривала это фото, что в автобусе не замечала ни толкучки вокруг, ни постоянных

раздражающих пробок. Засмотревшись на снимок, я едва не пропустила собственную остановку. В тот день и спать спокойно я не могла — все любовалась на своего Ника, как помешанная фанатка на автограф кумира. Жаль, конечно, что при себе у меня не было цифрового фотоаппарата, тогда фотография получилась бы крупной и четкой, и я бы распечатала и повесила ее себе на стену. Как когда-то в детстве развешивала постеры с изображением любимых звезд... Да-да, чтобы не говорили мои лучшие подружки-сестрички, учащиеся вместе со мной в одной группе, Никита Кларский для меня идеал. Полное совпадение во внешности, характере и мировоззрении. Лучший мужчина на свете. Ведь у каждого из нас есть свои идеалы, правда?

Конечно, у кого-то может возникнуть вполне резонный вопрос, почему же я до сих пор не встречаюсь с тем, кого считаю идеальным для себя парнем? Например, все те же мои приятельницы, частенько и очень нетактично намекающие, что я похожа на сталкера, не раз говорили мне, что раз уж я так хочу быть вместе с Никитой, мне следовало бы рассказать ему все о своих чувствах, а не заниматься молчаливым обожанием издали. К тому же пока у него не было девушки, а это, как повторяет одна из моих драгоценных подруг, Лида, «неоспоримый плюс, потому что пока он свободен, можно рассчитывать хотя бы на одно свидание!» Я и рассчитываю, вот только пока у меня как-то не очень с этим ладится. Но, отбросив все сомнения и страхи, я поставила перед собой задачу и уверена, что к четвертому-то курсу завоюю его.

Сказать-то, конечно, легко, но сделать это намного труднее. Мне при всем своем нелегком, горячем, как сковородка на печке, и даже эмоциональном характере не хватает смелости подойти к любимому человеку и признаться ему в своих чувствах. Даже на большее, чем «Привет, как дела?», меня не хватает, ведь мы едва знакомы. И знакомство наше организовала Лидия, зная, как оказалась, одного из Никитиных сокурсников с эконома. Поймав момент, когда ее знакомый стоял около аудитории в ожидании начала лекции, подруга подошла поздороваться, а заодно познакомила со всеми стоящими парнями и меня. Хотя я вроде смелая и даже боевая, но, находясь так близко к собственному идеа-

ду, жутко застенялась. Еще бы, тогда у меня впервые появилась возможность пообщаться с этим парнем! Потом этих возможностей было еще несколько (подстроенных, естественно), но ни свое красноречие, ни веселый нрав я так и не проявила.

Вообще мы учимся на разных факультетах и почти никогда не пересекаемся. Однако в этом году физкультуру нам сделали общей парой, и теперь я могла подойти к нему совсем близко. Тем более что наши группы занимались на площадках, расположенных недалеко друг от друга, а спортивному ориентированию мы и вовсе обучались все вместе, большой кучей. Иногда еще я встречала Ника в коридорах, в столовой, в библиотеке и даже на крыльце, у входа в здание университета, где он иногда стоял со своими друзьями. Изредка видела его рядом со своим сумасшедшим приятелем-одногоруппником Димкой Чащиным. Кстати, Никиту я впервые увидела именно тогда, когда он разговаривал с Димой на крыльце университета. И каждый раз, когда я замечала Кларского, мое сердце радостно екало, а настроение стремительно взмывало под облака.

Именно по этой причине, чтобы взбодриться, я отрывалась от чтения нудной книженции по философии и разглядывала фото Ника. И это очень помогало мне в попытках собраться и сосредоточиться.

«Если пороки могут произойти от естественных причин, то их искоренение и полное уничтожение — так, чтобы тот самый человек, который был склонен к таким порокам, полностью от них избавился, — зависят уже не от природных причин, а от нашей воли, старания, упражнения (disciplina); и все эти вещи потеряют всякое значение, если на основании дивинации подтвердятся сила и природа судьбы».*

Я оторвалась от очередной цитаты Цицерона, вновь посмотрела в темно-серые глаза Никиты и улыбнулась, проведя ярко-желтым ногтем по экрану мобильного. Я и не подозревала, что с другой стороны коридора ко мне прибли-

*Цицерон. Философские трактаты. / Пер. М. И. Рижского. Отв. ред., сост. и вступ. ст. Г. Г. Майорова. (Серия «Памятники философской мысли»). — М.: Наука, 1985.

жается самое настоящее несчастье (а может быть, и счастье, ведь это чучело было и остается везунчиком по жизни!). И оно не просто шло, оно катилось на всех парах, привлекая к своей персоне внимание тех, кто находился в коридоре, улыбаясь направо и налево и приветствуя многочисленных знакомых. Немного позже я поняла, что у этого дружелюбного психа каждый второй студент состоит в друзьях, готовых отдать за это заливчатское чудо-юдо с татушкой на шее последнюю рубашку или любой другой предмет гардероба, хоть те же трусы.

Вообще-то я много слышала о нем, студенте четвертого курса факультета иностранных языков. Как человек общительный, я живо интересовалась окружающими людьми, к тому же назвать меня букой, затворницей или серой мышкой никто бы не смог, даже если бы очень захотел это сделать.

Да, я часто видела его, несмотря на то что наши факультеты находились на разных этажах большого здания. Встречала на разных студенческих сборищах, где он был самой настоящей звездой, ярко проявляя себя — от КВН и спортивных мероприятий до олимпиад и различных молодежных проектов. Как-то пару раз я болела за нашу университетскую команду по баскетболу, честь которой вполне себе успешно защищал этот парень, каким-то самым неведомым образом умудряясь забрасывать мячи в корзину. Помнится, мне очень нравилось, как он играет, но совсем не нравилось поведение его болельщиц. Да, представительницы женского пола очень трепетно относились к этому парню. Я постоянно слышала восторженные отзывы девчонок, которые ну просто до колик в неприличном месте хотели встретиться с ним. Да и многие ребята считали незазорным пожать ему руку при встрече. «Свой чувак», «правильный пацан», «классный парень» — так они называли этого харизматичного брюнетика с лицом прославившегося актера, который с легкостью взобрался на Олимп, носящий гордое название Голливуд и покорила там всех своим актерским талантом и обаянием. Его любили девушки и уважали не только парни, многие вполне себе взрослые люди тоже пали жертвой его обаяния.

Его звали Денисом, правда, мало кто пользовался полным именем, Дэн, Дэнни, Дэнв — так его чаще всего назы-

вали. Да и кличек у него было множество: шутливая — Лакибой, идиотская — Счастличик Дэнв, грозная — Смерч (это потому что фамилия у него такая — Смерчинский, а вовсе не потому, что он силен, как атмосферный вихрь, сметающий все со своего пути со скоростью 150 км/ч). Ветреный и красивый весельчак, который не зря был назван неведомыми мне родителями Денисом в честь древнегреческого бога виноделия и веселья. словно бог Дионис, парень имел широкую известность как в университетских кругах, так и за их пределами. А все потому, что этот придурок жил, как самый настоящий ветер. За день он умудрялся побывать и здесь, и тут, и там, и даже где-то там, куда, казалось бы, нога человеческая еще не ступала... Поэтому все о нем всё и знали.

Таким он был, этот Смерчинский, и я частенько видела его и слышала хвалебные отзывы о его персоне, но никогда особо не обращала на него внимания, разве что за исключением любимого мною баскетбола, понимая, что всюду есть свои «знаменитости», а мне по нраву больше «андеграунд».

В общем, я спокойно себе сидела на подоконнике, болтая ногами взад-вперед, как первоклашка, а мальчик-ветер вышагивал прямо посередине коридора, улыбаясь во весь рот. Я бы и не заметила его, и, может быть, даже не вспомнила о его существовании до самого выпуска, но он заметил меня сам. И, распрощавшись с панковатого вида дружками — при прощании он умудрился щелкнуть одного из них по лбу с потрясающим звоном, — направился в мою сторону.

— Привет, я к тебе, — дружелюбно сказал Дэн, усаживаясь рядом на подоконник, при этом даже слегка потеснив меня. Мой оранжево-черный рюкзак парень, ни капельки не стесняясь, сбросил на пол, отправив туда следом и свой собственный. Разрешения он, естественно, не спрашивал. Пришлось отодвинуться. Не хотелось мне сидеть, плотно касаясь плечом незнакомого молодого человека со смазливой мордашкой и растрепанными темно-коричневыми, цвета горького шоколада, волосами. Ну не люблю я понятия «шатен» или «русый», слишком уж они для меня размыты, поэтому и определила цвет его хаера как шоколадный. А волосы у него, кстати, были прикольными: густыми, здоровыми, немного волнистыми, спадающими длинными прядями на шею и закрывающими пол-лба.

— Привет, — с некоторым изумлением оторвалась я от учебника по философии и в упор посмотрела на пришедшего. Надо было не разговаривать с этим весельчаком, а бежать куда подальше, но... Что вышло, то вышло. — Чего тебе?

С остальными парнями, особенно с теми, кто не был похож на моего любимого Никиту, я не церемонилась ни капельки. Может быть, именно поэтому у меня к третьему курсу университета все еще не было нормальных отношений с противоположным полом. Мне хотелось встречаться с Ником или кем-то, кто хотя бы отдаленно напоминал его. Однако такой парень мне пока не встретился, а ходить на свидания с тем, кто не вызывает во мне симпатии, совсем не хотелось. На таких встречах было скучно. Нет, было мегаскучно!

— Меня зовут Дэн, — представился непрощеный гость, отобравший у меня половину подоконника, который моя пятая точка успела занять гораздо раньше, между прочим! — Я с иняза.

— И? — не могла понять я, чего он хочет от меня. Наверное, на лбу у меня появился большой вопросительный знак.

— И-и-и... — Он оттянул паузу, как это делают профессиональные ведущие на ринге. — Я хотел бы знать твое имя. Это ведь не тайна? — источая нечеловеческое дружелюбие, поинтересовался парень. Приятный у него голос, однако, проникновенный такой, тембр слегка вибрирующий, интонированный. Голос, как у профессионального манипулятора. Или жулика.

— Итак? Your name?

— Ну, Маша, — коротко ответила я, с удивлением глядя на молодого человека.

— Отлично, Мария! Библейское имя. Кстати, оно означает «желанная». А некоторые источники говорят, что «горечь», — продемонстрировал он мне свою эрудицию. — А учишься ты на...

— На «отлично», — не моргнув глазом, соврала я, заядлая троечница, которая пятерками перебивалась исключительно редко: только по тем предметам, которые вызывали во мне интерес. Ну и везло мне иногда. Да и списывать я мастак.

— Это здорово. Я тоже отличник, — вновь улыбнулся Денис, закидывая ногу на ногу. Моя нога была закинута в ту же сторону, да и левая рука так же подпирала подбородок —

сидели мы идентично. Тогда я не придавала этому значения и только спустя какое-то время поняла, что Мистер Смерч неосознанно повторяет жесты и движения людей, чтобы войти к ним в доверие. Так же бессознательно он запоминает и постоянно употребляет в разговоре имена собеседников. Он никогда их не путает и не забывает, словно его мозг с рождения знает, что самое сладкое слово для человека — его имя, произнесенное вовремя.

— Отличник? Поздравляю, — буркнула я.

— Спасибо, — без всякой издевки поблагодарил он в ответ.

— Да пожалуйста.

Красивый, популярный, приятный, так еще и умный. Где справедливость в этом мире? У многих нет ни того, ни другого, ни третьего. Нет, я не про себя — себя-то я считаю великолепной очаровашкой, просто характер у меня сложный, а так я вполне мила и симпатична. Когда не злюсь, не туплю, не упрямлюсь и не дурачусь. А делаю я это часто. Впрочем, неважно...

— Я рад за твои оценки, но у меня немного другой вопрос, Маша. Не про то, как ты учишься, а где?

— На пятом этаже, — с раздражением ответила я, не понимая, чего от меня хотят. Сейчас мы находились на первом, поскольку наша пара проходила в одной из самых больших аудиторий университета, расположенных как раз на этом этаже.

— А я на втором, — засмеялся Смерч, услышав мой ответ. — Ты ведь с факультета искусствоведения?

Надо же, знает, откуда я. Интересно...

— Да, с него, родимого. А откуда инфа?

— Кафедра рекламы и социально-культурной деятельности, 32-я группа? — продолжал дальше свои странные расспросы Дэн.

— Вообще-то да, а как ты догадался? На мне ведь это не написано, — тут же заинтересовалась я. В голову, звеня весенними колокольчиками, влетела мысль в виде зеленого головастика, сжимающего в неизвестно откуда взявшихся руках транспарант: *«Я ему нравлюсь, что ли?!»* Навстречу зеленому поплыл, виляя хвостиком, фиолетовый. В его лапках качалась из стороны в сторону табличка: *«О, да, мечтай»*.

Но что ему в таком случае нужно?

Конечно, у меня есть Никита, и я его не променяю ни на кого, но тот факт, что такой видный парень мною интересуется, окрыляет...

— Я волшебник, — он подмигнул мне. Вот черт, а ресницы у него тоже коричневые, но чуть светлее волос, и длинные, как у Барби! По крайней мере длиннее моих собственных. Раза в два. Может, он их наращивает?

— Волшебник, который все еще учится? — вспомнился мне знаменитый советский фильм.

— Нет, который сам всех учит, — серьезно отвечал парень и в доказательство похлопал себя по груди.

— Да?

— Да. Кстати, волшебник становится плохим. — Миг, и на его лице вновь появилась очаровательная улыбка, а на щеках — ямочки, как у ребенка. Нашкодившего такого.

— И что плохой волшебник желает узнать от обычной простолюдинки? — решила я пококетничать в кои-то веки. Настроение ползло вверх. Теперь в голове летали искрящиеся вывески: «*Он с тобой заигрывает!*»

— Волшебник хочет узнать кое-что интересное.

— Тайну? — чуть изогнула я брови, пытаясь быть милашкой.

— Да, тайну, — понизил голос Дэн. Хм, а у него и правда, как девчонки говорили, спереди, на шее есть черно-синне-зеленая татуировка — ее слегка видно из-под горла водолазки... Я тоже тату хочу, только меня за него мама пристрелит. Она недавно узнала, что у меня проколот пупок (я сделала это тайно еще год назад), так чуть не убила бедную меня. Непрогрессивные предки — это скучно... Однако маме все же пришлось смириться с моим пирсингом. Правда, мне теперь хочется еще и бровь проколоть.

— Которую хранит старая противная ведьма? — состроила я Дэну глазки.

— Нет, скорее, заколдованная ею принцесса, — его голос стал совсем тихим и еще более проникновенным.

Ух ты, меня еще никто, кроме родителей, принцессой не называл, да и то, они величали меня так только в далеком детстве, сейчас я все больше «лентяйка» и «невежа».

— Принце-е-есса? — растягивая гласные на манер актрис из сериалов, переспросила я, глядя на парня.

— Да. Милая, нежная и прекрасная, — Дэн игриво толкнул меня плечом. — Маш, короче, помоги мне.

— Я? В чем? — я опустила ресницы, опять-таки вспомнив какой-то сериал.

— Разгадать загадку. Загадку принцессы. Поверь, тебе это тоже пригодится.

— Ну, помогу. — Всегда тянуло меня помогать кому попало.

— Обещаешь? — заглянул он мне в глаза. Так доверчивые хаски смотрят на своих хозяев.

— Обещаю, — сказала я в предвкушении. Неужели признается в симпатиях? Вот ведь финиш! Девчонки из группы и подружки умрут от зависти! Конечно, я не приму его чувств, зато какой повод для гордости. Так и вижу, как моя самооценка в виде расправившего крылья орла взлетает вверх... Вверх... В небеса...

— Точно?

— Да точно-точно. Я всегда свое слово держу! У любого в моей группе спроси: «Исполняет ли Маша свои обещания?», и тебе скажут, что да! — выпалила я. — Кстати, я в группе одна Маша, на удивление, так что ни с кем не перепутаешь.

— А ты прикольная, — заявил Денис, еще немного оттесняя меня к стене.

— Чем? — даже слегка застеснялась я и поправила выпавшую из-за уха короткую светло-русую прядку волос. На стрижку каре меня уговорила экспериментаторша Маринка, сама же стригла и сама же успокаивала меня после того, как я посмотрелась в зеркало. Лице было очень смешно. После мы втроем пошли в салон, где мою прическу приводили в порядок профессионалы.

— Поведением. Думаю, с тобой будет весело, — не стал подробно останавливаться на моем «приколизме» Денис. Голос его стал вновь проникновенным, и он сказал задумчиво. — Мария, я к тебе по делу.

— По учебе? — кокетливо посмотрела я на молодого человека, сидящего рядом. Интересно, когда я ему понравиться-то успела? Мы незнакомы ведь.

— Оно не связано с учебой. Я просто хотел задать вопрос, который поможет разгадать мне тайну. Спрашивать?

— Ага, спрашивай.

— Точно?

— Да-да.

— Ответишь? — он лукаво улыбнулся.

— Давай уже, говори, — в предвкушении я расправила плечи и уставилась на него, как голодная кошка на литр свежей деревенской сметаны. Ну и денек!

— Ольга Князева — она учится с тобой в одной группе? Так? — посмотрел мне прямо в глаза Дэн.

— А?

Плечи мои опустились, взгляд потух. Не поняла...

— Оля Князева, — повторил он. Видя мое изумление, добавил: — Высокая, длинноволосая, голубоглазая девушка, у нее...

— Я знаю, кто такая Князева, что ты мне ее описываешь, — оборвала я парня. Гордый орел камнем пошел вниз. Обманщик смазливый, я-то думала, он про меня что-то захочет узнать! А он про другую... Так было бы еще про кого!

Князева Оля. С виду самая обычная девушка, немного словная и в меру симпатичная. С ней мы никогда не дружили, но и не ссорились — наше общение было нейтральным и сводилось оно к обыденным приветствиям и вежливым фразам. Не скажу, что я была без ума от этой уравновешенной девушки с манерами английской леди и чистым голубоглазым взглядом, она казалась мне скучноватой и слишком правильной, но могу сказать, что человек она в принципе неплохой. Спокойная, даже незаметная, с плавными движениями и негромкой речью. Ольга не слишком много общается с одноклассниками, дружит только с одной девочкой. Для меня она — воплощение ангелочка с тихим характером и скромным нравом. Во внешности у нее нет ничего супернеобычного, а косметикой Князева не злоупотребляет. Ее плюсы — тонкая фигурка, длинные густые светлые волосы и правильные, но невыразительные черты лица — такие нужно подчеркивать косметикой. В общем, она не фотомодель, но далеко и не уродина. Не умная, но и не глупая. На мой вкус — чересчур спокойная и «сладкая», как ванильно-клубничный сироп.

И этот парень, любимчик всего универа, интересуется какой-то Князевой, обманув мои лучшие ожидания? Вот